

Летописец

*Название этого раздела придумано не нами.
Под рубрикой «Подмосковный летописец» регулярно
выступает на страницах «Народной газеты»*

Александр Нефедов,

автор напечатанных ниже статей.

*Словно желая опровергнуть расхожее мнение, что
газета живет один день, он пишет о вечном —
о нашем национальном наследии. Молодой
журналист предан этой теме и неустанно сообщает
исторические были Подмосковья, что дало ему право
именовать себя «подмосковным летописцем».*

*Много интересного, неожиданного, поучительного
в этих рассказах,
они лишний раз убеждают в том,
что Подмосковье — богатейшая кладовая
русской истории.*

Александр Нефедов.
Фото И. Арчибасова

Кучер Великого князя,

или

Повествование о печальной судьбе московского генерал-губернатора и его верного слуги, погибших от бомбы террориста

рудно сказать, чем руководствовало Провидение, направившее дела и души людские на

уничтожение в начале 1930-х годов кладбища и церкви в некогда богатом подмосковном селе Ивановское, принадлежавшем «во время оно» одному из пяти знаменитых братьев — Владимиру Орлову. Как бы там ни было, но к концу XX века ампириная церковь Иоанна Предтечи, выстроенная в 1831 году и окружавшая ее кладбище пришли в самом униженном виде. И хотя местные жители делают попытки восстановить храм и начать в нем службы, говорить о возрождении пока преждевременно. Совсем не сохранились во-

круг церкви и могилы. Два-три известняковых надгробия прошлого века с полустертыми надписями — вот, пожалуй, и все, если не считать самого главного. А самое главное на этом кладбище — это словно притаившееся в напряженном ожидании своей участи надгробие с могилы человека необычной судьбы.

Постамент из розового гранита, на котором в прошлом величественно стоял литой крест-распятие, ныне прячется от недобрых людских глаз под сенью могучих лип и в окружении буйно разросшихся лопухов и крапивы. Возможно, именно они и сохранили плиту от «заботливого участия» современных предпринимателей, составляющих капиталы на вывозе с подмосковных кладбищ старинных надгробий с последующей их огранкой и перепродажей.

До села Ивановское (в нынешнем Ступинском районе Московской области) добраться очень просто: от станции Михнево Павелецкой дороги рейсовый автобус довезет

Андрей Алексеевич Рудинкин.
Фото из семейного архива.
Публикуется впервые

вас минут за двадцать. Уже от остановки видны осиротевшие церковные купола, лишенные кровли и крестов. Кто-то из местных «воинствующих безбожников» в годы гонений на церковь попытался срубить и надписи на упомянутом подгробии. Но зубило деревенского кузнеца оказалось бессильным против твердого крымского гранита.

На четырех гранях надгробия можно прочесть почти всю историю человека, могила которого затерялась ныне на сельском кладбище. Вот что высечено на постаменте: «Здесь погребен кучер Великого князя Сергея Александровича **АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РУДИНКИН**. Крестьянин Московской губернии Серпуховского уезда Хатунской волости, деревни Сумадрухой». На другой грани более лаконичная надпись:

«Умер от ран, полученных им от бомбы, убившей Великого князя Сергея Александровича в Московском Кремле 4-го февраля 1905 года». Еще одна грань — эпитафия со словами из Евангелия от Матфея: «Добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многими тебя поставлю; войди в радость господина твоего». Наконец, четвертая грань гласит, что «Памятник сей поставлен Великой княгиней Елисаветой Федоровной Августейшей супругой в Бозе почившего Великого князя Сергея Александровича». На гранях этого камня, притулившегося на пустынном и ныне забытом людьми подмосковном кладбище, самым неожиданным образом отразилась одна из кровавых драм нашей не столь давней истории. Так что же произошло в Московском Кремле 4 февраля 1905 года?

Наверное, было бы слишком опрометчиво рассказывать о покушении члена боевой организации партии социалистов-революционеров Каляева на московского генерал-губернатора краткими энциклопедическими

Колокольня в Бронницах.
Фото В. Титова

Крест-памятник в Кремле на месте гибели
Великого князя Сергея Александровича.
Репродукция с фотографии 1908 г.

фактами. А потому я предоставляю слово знаменитому революционеру-авантюристу, писателю-мемуаристу Борису Савинкову. Он сам принимал активное участие в подготовке покушения, а в 1909 году подробно рассказал об этом в своих «Воспоминаниях террориста» в главе «Убийство Великого князя Сергея»...

«Был сильный мороз, подымалась вьюга. Каляев стоял в тени крыльца Думы, на пустынной и темной площади. В начале девятого часа от Никольских ворот показалась карета Великого князя. Каляев тотчас узнал ее по белым и ярким огням ее фонарей. Карета свернула на Воскресенскую площадь, и в темноте Каляеву показалось, что он узнает кучера РУДИНКИНА, всегда возившего именно Великого князя. Тогда, не колебаясь, Каляев бросился навстречу и наперерез карете. Он уже поднял руку, чтобы бросить снаряд. Но, кроме Великого князя Сергея, он неожиданно увидел еще Великую княгиню Елизавету и детей Великого князя Павла — Марию и Дмитрия. Он опустил свою бомбу и отошел. Карета остановилась у подъезда Большого театра...»

Спустя два дня эсеры предприняли еще одну попытку покушения. Савинков внимательно наблюдал за действиями Каляева.

«...Я прошел через Спасскую башню в Кремль и остановился у памятника Алек-

сандру II. С этого места был виден дворец Великого князя. У ворот стояла карета. Я узнал кучера Рудинкина. Я понял, что Великий князь скоро поедет к себе в канцелярию... Каляев, одетый, как и 2 февраля, в крестьянское платье, должен был медленно пройти навстречу Великому князю, в Кремль. Здесь он, вероятно, увидел то, что увидел я, т. е. поданную к подъезду карету и кучера Рудинкина на козлах. У здания суда он встретил Великого князя...»

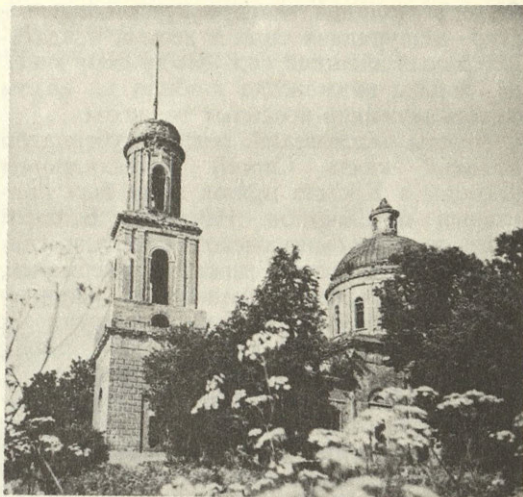
«Против всех моих забот, — писал Каляев из тюрьмы к товарищам, — я остался 4 февраля жив. Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор, я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того, как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошел, поднял ее и надел. Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели ключья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг. Я пошел... В это время послышалось сзади: «Держи, держи»...»

На следующий же день все газеты Российской империи живописали подробности покушения на Великого князя: «4 февраля 1905 года в Москве, в то время, когда Великий князь Сергей Александрович проезжал в карете из Никольского дворца на Тверскую, на Сенатской площади, в расстоянии 65 шагов от Никольских ворот, неизвестный злоумышленник бросил в карету его высочества бомбу. Взрывом, происшедшим от разорвавшейся бомбы, Великий КНЯЗЬ был убит на месте, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленные тяжкие телесные повреждения. Тело Великого князя оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя часть груди с левым плечом и рукой, были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломлена, с раздроблением бедра, от которого отделилась нижняя его часть, голень и стопа...» Дальнейшая судьба террориста Каляева хорошо известна: он был казнен через повешение в Шлиссельбургской крепости, спустя три месяца после покушения — 10 мая 1905 года. А в советское время его именем была названа одна из центральных московских улиц...

В 1908 году в Кремле на месте гибели московского генерал-губернатора был установлен крест-памятник (по проекту знаменитого художника В. М. Васнецова).

На ступенчатом постаменте из темно-зеленого лабрадора стоял высокий бронзовый крест с эмалевыми вставками, с изображением на нем рельефного распятия Христа. В лучах неугасимой лампы сверкала выбитая в камне золотая надпись: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят». Это были слова Иисуса о прощении своих врагов, ослепленных невежеством и злобою, обращенные к Богу-отцу во время смертных мук Бога-сына на кресте.

Жизнь Великого князя Сергея Александровича — сына императора Александра II, участника турецкой компании 1877–1878 годов (за штурм Плевны он был награжден Георгиевским крестом), историка и путешественника, председателя «Комитета по устройству Музея изящных искусств в Москве», с 1891 года — московского генерал-губернатора, оборвалась на сорок восьмом году... Его останки были погребены в церкви-усыпальнице, посвященной во имя преподобного Сергия Радонежского, устроенной в подклете Алексеевской церкви Чудова монастыря. Первой 1918 года поставил кровавую точку в истории креста-памятника — по личному указанию В. И. Ленина памятный знак был снесен. А в 1930 году вместе с Чудовым монастырем была взорвана и усыпальница Великого князя. Уж не в то же ли время с надгробия великокняжеского кучера в подмосковском Ивановском сняли крест и попытались выскоблить «крамольные слова»? Однако судьба распорядилась по своему, и сохранившийся надгробный камень остался одним из немногих вещественных памятников печальных событий зимы 1905 года.

Село Ивановское. Церковь Иоанна Предтечи. 1831 г.

Надгробный камень на могиле Андрея Рудикина

Казалось бы, здесь в нашем повествовании пришло время поставить точку. Но вдруг самым неожиданным образом в этой истории возникло продолжение. Автору этих строк удалось обнаружить ныне здравствующего внука кучера Великого князя. Как бы там ни было, факт остается фактом, в городе Люберцы живет внук Андрея Рудикина — Юрий Александрович Рудикин, кандидат технических наук, специалист-геолог, который бережно хранит предание о своем необыкновенном предке.

Андрей Рудикин родился и вырос в деревне Сумароково тогдашнего Серпуховского уезда. При рождении фамилия у него была совсем другая — Савельев. А Рудикиным назван он был по оплошности военного писарчука. Дело было так.

Мать Андрея прозвали в деревне «Рудинкой» — была она взята замуж из деревни Рудины — отсюда и прозвище. Слыла она женщиной боевой и в семье главенствовала над мужем. Потому и называли соседи эту семью «Рудинкой». Шло время. Подоспел срок Андрею Савельеву определяться на службу в царскую армию. Приехал в

Сумароково в ту пору военный писарь — начал списки рекрутов составлять. Дошел черед и до Андрея. Писарь, глядя сквозь парня замутненными от ядерного первача глазами, спросил по привычке у сельского старосты: «А это чей будет?» На что староста по простодушию, совсем не задумываясь о последствиях, бойко ответил: «Да это ж Рудикин!». Писарь так и записал.

Отслужив положенный срок в армии, отправился Андрей на заработки в первопрестольную. В родной деревне делать ему в ту пору было нечего — в семье он был не старшим сыном, а потому на наследство и на хороший земельный надел рассчитывать не приходилось. Армейская служба, да и деревенский опыт научили его ловкому обращению с лошадьми. Вот и попробовал он в городе определиться в кучеры. Попытка — не пытка. Знаменитый московский виннозаводчик Смирнов охотно взял Андрея к себе на службу. Да и как иначе: ведь

было у молодца главное кучерское качество—незаурядная сила и весьма представительный внешний вид. А в ту пору знать да дельцы московские любили на козлы сажать мужиков красивых да лихих.

Однажды московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович устроил в Кремле прием, куда был приглашен и Смирнов. Нечаянно Великий князь заметил смирновского кучера, и, удивившись его стати, даже не удержался, воскликнул: «Экий молодец!» А Смирнову того только и надо было—отпустил он Андрея на службу к князю, да, видно, и своей выгоды при этом не упустил.

Всего-то ничего прослужил Андрей у генерал-губернатора, а глядишь ты—стал среди нескольких великокняжеских кучеров первым. Жил со своей семьей при губернаторской конюшне в Нескучном дворце. Жалованье положили приличное, в квартире наладился достаток, но лишнего ничего не было—крестьянская сметка подсказывала, что лучше уж на черный день толику откладывать, чем бездумно трудом заработанное транжирить.

Нежданно-негаданно пришел случай Андрею наладить и сторонний заработок—получать «благодарность» от городских. Это теперь есть радиосвязь между отдельными постами автоинспекции по трассе проезда разных больших чинов, и когда кто-то проезжает, по всему пути следования дается соответствующая команда. А раньше такого, ясное дело, не было. И для того, чтобы городской по пути следования генерал-губернатора мог навести вокруг своего поста порядок и самолично «верноподданически» поприветствовать проезжавшего Великого князя, «рьяные служаки» и просили Андрея Рудинкина давать предупредительный сигнал. За это платили «звонкой монетой»—«на чай». А кучеру что, трудно ли зычным голосом во всю ивановскую, за квартал от очередного поста прогеметь «Пади!». Или еще чего, подобающее случаю прокричать.

Андрей Рудинкин был здоровья редкостного, да и силушкой славился недюжинной. Помнят родные, каковы руки у кучера бы-

ли—словно каменные, с великими мазолями от вожжей—дело ведь не шуточное управлять четверкою могучих великокняжеских лошадей.

Ровно десять лет прослужил Андрей кучером у генерал-губернатора. Они даже буд-то друзьями стали—мужик и Великий князь, столько времени вместе в дороге провели. Так и смерть настигла их—в пути. Князя сразу каляевской бомбой убило, а кучер еще целых десять дней промучился. Но не выдержал молодец более пятидесяти осколочных ранений—вслед за хозяином к праотцам отправился.

Как только скончался Андрей, жена его вместе с шестью ребятишками поехала в мужнину деревню—Сумароково. Она и мужа с собой взяла, чтоб схоронить его горемычного вблизи родной деревни—на кладбище в селе Ивановское. Однако недолго супруге великокняжеского кучера пришлось в деревне пожить. Была ей пенсия назначена и определение—поселиться со всей своей семьей во Вдовый дом на Болотной площади в Москве. Все в том доме было: магазин, лечебница, начальная школа и даже церковь. Отвели вдове, бывшей во время убийства Андрея на сносях, большую комнату. А когда у нее дочка родилась—крестила младенца сама великая княгиня Елизавета Федоровна. В 1930 году дочь Андрея Рудинкина метрику о рождении сожгла от страха—в документе ведь и крестную мать в дореволюционные годы записывали...

Все дети погибшего кучера получили неплохое образование. Отец ныне здравствующего Юрия Александровича Рудинкина на средства московского купца-благотельца окончил коммерческое училище, его брат—железнодорожное училище, сестры—разные женские курсы. Стало быть, не забыли российское правительство и многие частные доброхоты, а в особенности Великая княгиня Елизавета Федоровна, «добраго и верного раба» и его осиротевшую семью. Не зря же княгиня и на надгробии Андрея Рудинкина высечь велела: «В малом ты был верен, над многими тебя поставлю...»